

В МИЛАНЕ часть 2 (под покровительством Сфорца)

Первое поручение, данное Сфорца Леонардо, касалось конной статуи, так называемого «Коня». Над ней художник работал с перерывами шестнадцать лет. Интерес герцога к этому монументу — лучшее доказательство его забот об устойчивости собственного положения в Милане. Сфорца утвердились в городе, когда отец Лодовико, Франческо Сфорца, захватил власть после крушения династии Висконти. Чтобы укрепить свои позиции, Лодовико решил воздвигнуть конную статую Франческо - великого человека, основателя новой династии, надеясь, что таким образом подданные поверят в законность его власти. Поручение, данное Леонардо, считалось очень важным и ответственным. Однако герцог платил художнику либо очень мало, либо вовсе не платил; сбережения Леонардо таяли, и он вынужден был взяться за выполнение других заказов вместе с художником Амброджо да Предисом.

Леонардо продолжал засыпать Лодовико своими идеями. В 1484-1485 годах чума унесла около пятидесяти тысяч жизней миланцев. Леонардо считал, что причина тому — перенаселенность и страшная грязь: всюду кучи отходов, солнечный свет едва проникает в узкие улочки. Художник предложил герцогу построить новый город, который будет состоять из десяти районов, по тридцать тысяч жителей в каждом. В каждом районе должна быть своя канализация. Улицы предполагалось делать широкими, ширина самых узких должна была равняться средней высоте лошади. (Несколько столетий спустя Государственный совет Лондона признал предложенные Леонардо пропорции идеальными и отдал приказ следовать им при разбивке новых улиц.) Леонардо также предложил систему двухуровневых городских дорог: верхний уровень - для пешеходов, нижний — для движения экипажей. Лестницы, соединяющие оба уровня, предполагалось делать винтовыми, с площадками для отдыха. Если бы Сфорца взглянул на новаторские городские планы Леонардо, он, без сомнения, лишь пожал бы плечами.

Сфорца использовал таланты Леонардо только применительно к дворцовым развлечениям. Современному человеку может показаться дикостью разбазаривание гения по пустякам, однако сценография в те времена входила в компетенцию художника и оставалась в таком качестве до конца XVIII столетия, когда она выделилась в отдельную профессию. Сам Леонардо обожал этот род деятельности. В 1490 году Лодовико женил двадцатилетнего Джана Галеаццо на Изабелле Арагонской, внучке неаполитанского короля. Ради такого события Леонардо подготовил фантастическое представление. В одном из залов дворца он сконструировал огромную гору с расселиной, прикрытой занавесом. Когда занавес открывался, становились видны небеса с двенадцатью знаками Зодиака. Каждая планета имела образ древнеримского божества, имя которого носила. Под музыку появлялись три Грации и семь

Добродетелей, которые восхваляли невесту.

Завоевав расположение Сфорца, Леонардо начал выступать при дворе не только как лютнист и певец, но и как декламатор сатир, баллад и «пророчеств», которые он сочинял сам. В выборе тем и идеи он был немало стеснен, так как вынужден был развлекать людей определенного уровня. (Юмор в эпоху Возрождения был не слишком тонок; выразительным примером тому может служить рассказ, который Леонардо нашел столь уморительным, что даже записал его в свой дневник: у одного художника были очень некрасивые дети, а картины он рисовал прекрасные. Когда ему сказали об этом, он ответил, что рисует свои картины днем, а детей делает ночью.)

«Пророчества» Леонардо на самом деле были загадками, их название содержало отгадку. «Появится множество общин, члены которых спрячутся со своими детьми в мрачных пещерах и там смогут пропитать себя и свои семьи в течение долгих месяцев, обходясь без света, искусственного или природного». После того как двор пытался отгадать загадку, Леонардо сообщал название: «Муравейники».

Некоторые из его «пророчеств», без сомнения, никогда не были произнесены вслух. Известно, что Леонардо критиковал церковь, однако, какими бы свободными ни были нравственные понятия в его дни, все равно не следовало терять бдительности. Возможно, Леонардо сочинял такие «пророчества» для себя: «Великое множество людей начнут торговать публично и беспрепятственно очень дорогими вещами, без разрешения на то хозяина этих вещей. Вещами, которые никогда им не принадлежали и над которыми они никогда не имели власти. И человеческое правосудие не будет препятствовать этому». Название: «О торговле раем».

В то время, когда он был вовлечен во фривольные развлечения двора, в его заметках появляется мысль о быстротекущем времени: «Речная вода, которую ты осязаешь рукой, является последней, которая уже утекает, — писал он, — и первой, которая только примчалась; то же происходит и со мгновениями времени». В другом месте он вопрошает: «О Леонардо, почему так много страданий?» Очевидно, его одолевали приступы меланхолии. Сфорца начал платить ему больше, и у него появилась возможность продолжать свои научные занятия. Он изучал затмение солнца и замечал, что, чтобы наблюдать солнце без ущерба для зрения, следует смотреть на него через булавочные проколы в листе бумаги. В 1490 году Сфорца отправил Леонардо в Павию, чтобы последовать его совету о строительстве там церкви; Леонардо провел в Павии шесть месяцев, работая в знаменитой городской библиотеке, пока Сфорца не призвал его обратно в Милан для устройства очередного празднества. Поводом послужило двойное свадебное торжество: Лодовико, несмотря на то что был без ума от своей любовницы Цецилии Галлерани, решил, что с политической точки зрения для него будет мудро жениться на пятнадцатилетней Беатриче д'Эсте, герцогине Бари; в то же самое время он устроил брак своей племянницы Анны Сфорца с братом Беатриче Альфонсо. Когда празднество завершилось, Леонардо снова обратился к исследованиям, которые его в высшей степени занимали. Именно на годы жизни в Милане приходятся его первые пространные записи, вместе с живописью составляющие главное его наследие. Во Флоренции он сделал несколько сопутствуемых примечаниями набросков, а в Милане начал записывать обо всем, что его интересовало, в произвольном порядке, поставив тем будущих исследователей перед неразрешимыми загадками. Он вел свои записи до конца жизни, перемежая свои мысли чужими, так что в конце концов у него получилась некая свободно построенная энциклопедия с перепутанными страницами. Он надеялся

привести все в систему, как гласит одна примечательная запись 1508 года: «Эта книга станет справочником. Она сложилась из множества страниц, которые я в нее вписал, надеясь впоследствии привести все в порядок... Верю, что, прежде чем закончу ее, я должен буду приводить ее в порядок множество раз, и поэтому, о Читатель, не проклинай меня за то, что интересующих меня предметов слишком много, а память не в состоянии удержать их все...»

Леонардо начал писать свой «Трактат о живописи» в Милане, как свидетельствуют, по просьбе Сфорца, который пожелал узнать, какое из двух искусств — скульптура или живопись — более благородно. Но Леонардо, как часто с ним случалось, не довел своего замысла до конца; он все еще продолжал исправлять свой «Трактат» даже перед смертью. Он постоянно прерывал работу над ним ради других занятий, и особенно ради изобретательства: сконструировал машину для производства напильников, затем прокатный стан, затем станок для выделки сукна, который вдвое увеличивал производительность труда. Однако Лодовико по-прежнему ему не обращал на его изобретения никакого внимания. Вместо этого он потребовал от великого человека, чтобы тот устроил во дворце ванну для жены Джана Галеаццо.

Иногда Леонардо мечтал о том, чтобы разбогатеть, и доверял свои мысли бумаге с поистине мальчишеским чувством. Массовое производство тогда еще никому и не спилось, а он изобрел машину для шлифования игл, которая работала с удивительной скоростью и в которой шлифовальное колесо вращалось с помощью кожаных ремней. «Завтра утром, 2 января 1496 года, я испробую широкие ремни, — писал он. — 100 вращений в час умножаем на 400 игл, получаем 40 000 игл за час, а за двенадцать часов — 480 000. Пусть будет 400 000, что по 5 сольди за тысячу даст 20 000 сольди, а в лирах получится 1000 в день... А если работать двадцать дней в месяц, то общая сумма составит 60 000 дукатов». Ничего из этого не вышло.

Леонардо изучал работу человеческого тела точно так же, как работу машин. Он уже получил некоторый опыт в анатомии во Флоренции, где, очевидно, бывал в анатомическом театре. Художники Возрождения интересовались анатомией как вспомогательным средством для правильного представления о человеческом теле. Такие художники, как Поллайло, сами производили резекцию трупов, обнажая мускулы, которые их единственно интересовали. Очень немногие вскрывали черепную коробку, грудную клетку или брюшную полость. Ранний интерес Леонардо к анатомии был не больше, чем у Поллайоло, однако направление его ума было таковым, что он всегда шел в глубину: узнав однажды, как работает какая-то вещь, он стремился узнать, почему она устроена так, а не иначе. И к анатомии он начал подходить не только с прикладной целью. Добывание объектов для анатомирования представляло большие трудности.

Анализируя рисунки Леонардо раннего миланского периода, современные врачи пришли к выводу, что единственным материалом, имевшимся в его распоряжении, была человеческая голова — очевидно, это была голова обезглавленного преступника, — и нога, вероятно, потерянная в сражении. Трудности объяснялись двумя причинами: одна — отношением религии к действиям подобного рода, другая более конкретная — неправильным толкованием буллы папы Бонифация VIII «De sepulturis» («О погребении»), изданной еще в 1300 году. Папа был обеспокоен практикой вываривания костей умерших за морем крестоносцев, чтобы их можно было с большей легкостью доставить домой для погребения. Он провозгласил отлучение от церкви всякого, кто будет уличен в совершении подобного действия. Позже булла была истолкована как

запрещение резекции покойного. Церковь терпимо относилась к анатомированию, если оно совершалось осторожно и тихо, но вынуждена была принимать меры, когда тайное становилось явным.

Когда у Леонардо появилась человеческая голова, он был все ещё новичком в анатомии. Однако он не удовольствовался изучением только внешней стороны черепа. На рисунке, который очень любят современные практиканты-медики, он показал череп рассеченным надвое, так, что видны корни зубов, носовые и челюстные пазухи — детали, совершенно неинтересные только для художника.

В последние годы пребывания у Сфорца Леонардо отдавал значительную часть своего времени математике. Его ближайшим товарищем в то время, как говорят, был францисканец по имени Лука Пачоли, друг многих художников и преподаватель математики. За время их обращения Пачоли написал учебник «De Divine Proportion» («О Божественной пропорции»), а Леонардо сделал для него иллюстрации. В основном они состояли из многогранников, которые, как считалось, имеют магическое значение. В математике Леонардо искал доказательств своих теорий. «Не определено, где человек может использовать математические науки или же те, что основываются на математических науках», — писал он. Он был очень осторожен в обобщениях, предпочитал привести с полдюжины доказательств какого-либо факта или положения, прежде чем сделать определенное заключение, и презирал запутанные дискуссии, которые часто поглощали внимание мыслителей Возрождения. «Тот, кто порицает высшую точность математики, кормится за счет путаницы, — писал он, — и никогда не отступится от уловок софистических пауков, порождающих бесконечную болтовню».